

Д. Е. Марков

К ВОПРОСУ О ВАССАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ В НЕПАЛЕ: СТАТУС БУДДИЙСКОГО КНЯЖЕСТВА МУСТАНГ В СОСТАВЕ ИНДУИСТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Середина XVIII века – время драматических событий и изменений в истории Непала. Горный кхасский князь, владетель Горкхи, Притхви Нараян Шах приступил к объединению непальских княжеств в единое государство в Гималаях. Главной целью князя Горкхи была богатая Непальская долина в Центральном Непале, оплот неварской династии Малла. 1769 год стал переломным в непальской истории – долина Катманду пала под натиском армии Притхви Нараяна, и новая династия из Горкхи утвердилась на троне древних неварских королей – так было создано единое общенепальское государство. Однако первый король объединенного Непала Притхви Нараян создал тот базис, на основе которого непальское государство разрасталось далее, – на момент смерти короля-основателя были не присоединены еще княжества современного Западного Непала. Они вошли в состав королевства во второй половине XVIII в., окончательно были присоединены около 1795 г., сформировав приблизительно нынешние границы Непала.

Об уцелевших после объединения Непала полутора десятках княжеств к западу от Непальской долины (их численность со временем изменялась) написано не много. Такие классические европейские источники, как работы В. Киркпатрика и Ф. Б. Гамильтона [Kirkpatrick 1811; Hamilton 1819], частично восстанавливают историю этих государственных образований. Даже такие серьезные исследования, как работа И. Редько, оставляли эту сферу административно-политического и социального развития без надлежащего внимания [Редько 1976]. Среди исследователей, которые обращались к проблеме возникновения вассальных княжеств Западного и Центрального Непала и их отношений с королем, нужно назвать таких ученых, как Л. Стиллер, Б. Г. Баджрачарья [Stiller 1973; Bajracharya 1992]. Непальский историк К. Адхикари попытался проанализировать юридический аспект существования

подобных зависимых княжеств в составе королевства (в том числе буддийского тибетоязычного княжества Мустанг) [Adhikari 1980]. Источниками же для исследования проблемы выступают непальские административные документы, письма, королевские указы, *рукка*, королевские декреты, жалованные грамоты, королевские или княжеские.

Ярким, хотя и малоизвестным науке (существует лишь несколько публикаций таких авторов, как Д. Джексон [Jackson 1976], Р. Дхунгел [Dhungel 2002], Д. Шух [Schuh 1990], К. Рембл, М. Виндинг [Ramble, Vinding 1987], М. Пессель [Пессель 1978], примером отношений между западнонепадским зависимым княжеством и его сюзереном было княжество Мустанг (Ло). Именно анализу его статуса и социальных и политических особенностей вхождения в состав Королевства Непал в качестве примера особой уникальной вассальной системы, которая возникла в конце XVIII в., и посвящена данная статья.

Накануне захвата Непальской долины войсками Притхви Нараяна Шаха Великого, князя Горкхи (будущий король, или *магараджадхираджа*, дословно “великий князь из князей”), и создания им единого государства в 1769 году к западу от долины, древнего центра государственности в Гималаях, существовало два хрупких конгломерата горных княжеств (специфических “конфедераций”) – Баиси и Чаубиси. Эти две “конфедерации” (скорее группы княжеств) вместе насчитывали около 50 княжеств (княжество Горкха, из которого происходила новая династия Шах, принадлежало к Чаубиси, хотя существует и точка зрения, что Горкха не принадлежала ни к одной из этих “конфедераций”). Притхви Нараян Шах и его преемники активно расширяли государство во всех направлениях. Но те из княжеств, которые признали верховенство короля Непала (“без боя”), были сохранены, как и их территория, внутренняя система управления, обычаи. Итак, за помощь в войне и верность Дарбару (королевскому двору Непала) правители этих княжеств получили широкую автономию. Их владения не были непосредственно инкорпорированы в состав королевства (не были превращены в провинции – *суббы*), они стали вассалами “владельца дома Горкхи” (“*Раджами*” и “*раджаутами*”, как их называли гуркхские правители Непала) [Adhikari 1980, 147].

По статусу существовало три основных группы этих зависимых государств: *тхекка раджья*, *сирто раджья*, *сарбангамапхи раджья*. Разделены они были по типу платежей, дани, которую отправляли в Катманду, обязанностей перед королем. Княжества 1-го типа не имели фиксированной суммы дани, а 2-го (такие как Мустанг и Джаяркот), наоборот, регулярно платили четко определенную сумму. Сарбангамапхи раджья – наиболее привилегированная группа княжеств. Они получали все доходы от своих земель и не могли собирать налоги только с земель *райкар* (т. е. государственных земель) [Adhikari 1980, 147–148].

Одним из княжеств, перешедших под “покровительство” короля из горкхской династии в конце XVIII в., было княжество Мустанг, или Ло (самоназвание), расположенное на северо-западе Непала, на границе с Тибетом. В древности Мустанг состоял из двух отдельных частей – непосредственно Ло (на севере) и земли Сериб (долина на юге). Это разделение частично сохранялось и тогда, когда Сериб исчез как политическая и этническая общность [Jackson 1978, 196].

О Ло и Серибе упоминается в Дуньхуанских хрониках. Эти древнейшие тибетские хроники рассказывают, что легендарный царь Сронцзангампо (VII в.) присоединил Западный Тибет, а вместе с ним Ло и Сериб, к Великой Тибетской империи [Dhungel 2002, 42–44]. После смерти тибетского царя Ландармы в 842 году и упадка Ярлунгской династии центром Западного Тибета (в сфере влияния которого оставался Мустанг (Ло) и Сериб, вместе с Тхак Кхола) стала область Нгари [Ramble, Vinding 1987, 8]. Мустанг в те времена воспринимается как часть Нижнего Нгари (интересно, что сам Ло (Мустанг) также разделен на Верхний Ло, Средний Ло и Нижний Ло). В те времена древняя тибетская религия бон прочно сохраняла свое влияние среди населения Ло и Сериба – Мустанг был одним из важных центров этой религии. Но конец этому пришел, как свидетельствуют средневековые документы, с появлением на земле Мустанга в VIII веке великого буддийского учителя тантрика Падмасамбхавы. Падмасамбхава покорил, как говорят источники, местных демонов, проповедовал учение Будды и даже основал известный и почитаемый в тибетском культурном мире монастырь Ло Гекар (Гар Гомпа) в

Верхнем Ло, и именно с его деятельностью, вероятно, необходимо связывать начало активного утверждения буддизма в этих землях [Dhungel 2002, 45–47]. В XI веке на землях Ло и Сериба активно ведут проповедь как известные буддийские учителя, как и адепты бон (особенно в Тхак Кхола, Южном Мустанге). Возникают монастыри, способствующие развитию Мустанга как духовного центра, а около 1160 г. также основывается монастырь “реформированного бона” в Лубре. В XII в. вокруг Ло (Мустанга) появились три основные силы этого региона: Ладакх, западнотибетское государство Гунгтанг и Кхасское королевство (Кхасараджья, или королевство Симджа, по тибетским источникам – *Ятше*), а позже и один из наследников этого королевства – княжество Джумла в Западном Непале.

В течение XII, XIII и до конца XIV века Мустанг был жертвой кровавой борьбы между Гунгтангом и Кхасским королевством (Ятше) за владение им. Могущественные соседи Ло захватывали, неоднократно опустошали его земли – шла непрерывная борьба за право обладать ими, ведь через Мустанг проходили важные пути трансгималайской торговли [Dhungel 2002, 55–57]. Именно постоянными войнами этих сильных соседей между собой, то ослаблением одного из них, а то опять подъемом и одновременно попытками самого Ло отстоять свою независимость и насыщена сложная, беспокойная история края. В конце 1360-х гг. могущественная династия Малла (т. н. Западных Малла) в кхасском государстве неожиданно пресеклась. Это большое королевство, которое еще недавно угрожало даже древнему и процветающему неварскому Королевству Непал в долине Катманду (где правила местная неварская династия Малла) и дважды, в 1321 и 1328 гг., захватывало и разграбляло долину Катманду, теперь постепенно распадалось.

Важно отметить, что в этническом и языковом отношении в XIII веке жители Ло, или *лоба* (*мустангцы*), были тибетоязычными (местный вариант западнотибетского диалекта), а в Южном Мустанге, Тхак Кхола (Сериб) говорили на *секад*, или на “языке сериб” (тиб. serib-kyiskad) [Schuh 1994, 10]. Этот язык является предком современного языка *тхакали*, языка народа, который и сегодня проживает в Тхак Кхола.

Основателем династии правителей Мустанга во второй половине XIV в. был гунгтангский генерал (dMag-dpon) Шейраб-лама (Shes-rabbla-ma), назначенный правителем Гунгтанга *дзонгпоном* (тиб. rdzong-dpon, дословно “начальник замка”), т. е. правителем уезда Ло. Он и его сын за военные успехи получили полную власть над Ло и Долпо, что было подтверждено королем Гунгтанга Соднам Де (1371–1404) [Mustang.Genealogy; Jackson 1978, 47–49]. А уже внук дзонгпона Шейраба – Амапал¹ становится первым князем Мустанга при номинальной власти гунгтангского правителя. Амапал укреплял свою власть, показал себя способным полководцем и покровителем религии (он основал монастырь в Царанге; Средний Ло – один из самых влиятельных центров религиозной и культурной жизни княжества). В его владения входили и окружающие территории, которые традиционно считались династией Ло “своими” в течение последующих веков: Барагаон, Дзонг (Муктинатх), Кагбени, земли в Тхак Кхола [Jackson 1978, 215–217]. Амапал почитался в народе как *бодхисаттва* (интересно, что в 1427 г. он дал обеты монаха) [Mustang.Genealogy]. Могущественный *гьялпо* Ло также значительно расширил рубежи государства на севере, присоединив Гуге и Пуранг [Dhungel 2002, 85–86]. Амапал провел и ряд административных реформ, заложив основы системы, которая в целом продолжала существовать на протяжении веков. Так, были введены посты трех *кхрипонов* (Khri-dpon) – региональных, уездных правителей, губернаторов (*кхрипоны* назначались в три волости Верхнего, Среднего и Нижнего Ло соответственно), четырех *гьялбаго*, т. е. стражей больших ворот (княжеского дворца) (rGyal-basgos), четырех *буго* (Busgos) (т. е. стражей малых ворот дворца) при дворе князя. Был введен также пост председателя (министра) религиозного искусства и религии *хапона* (lHa-dpon). Кроме *дзонгпонов* (начальников гарнизонов замков, крепостей), существовал также пост *тшопоны* (Tsho-dpons), губернатора небольшой волости [Dhungel 2002, 87].

¹ Амапал (Амепал) (Ame-dPal) – с 1425 г. – дзонгпон, в 1440–1447 гг. – князь, независимый правитель (традиционная тибетская титулатура независимого государя Мустанга: *чхогьял* (chos-gyal), *гьялпо* (gyal-po)).

Это был период расцвета Ло, но ему недолго суждено было продолжаться. В XVI веке Мустанг, ослабленный внутренними распрями и усобицами, попадает под власть Джумлы. Князь Мустанга Гонпо Гьялмшан (1513–1544) был вынужден признать себя *ахамом* (т. е. вассальным правителем) Джумлы, одного из наследников кхасского государства. В период между 1544 и 1560 гг. престол Ло даже оставался незанятым, а домен князя был разделен Джумлой на небольшие владения [Mustang.Genealogy]. Представители мустангской династии, правившей в этих уездах, даже потеряли традиционную княжескую титулатуру, став просто назначаемыми губернаторами Джумлы в землях своих дедов.

После потери независимости Ло (Мустанг) уже никогда не смог подняться и вновь стать независимым государством, как это было во времена Амапала и его первых наследников – все попытки правителей княжества восстановить независимость заканчивались поражением. Хотя это вовсе не означает, что мустангские государи, как и их подданные, оставили надежду освободиться от иностранной “опеки”. В 1560 г. князю Гьяхору Палзангу удалось вновь восстановить мустангскую монархию. Во второй половине XVI в. князь Ло смог лавировать в своей политике и дистанцироваться от Джумлы, найдя союзника. Как раз в это время на земли Джумлы и Ло пришел князь Ладакха Цеванг Намгьял (1555–1575). Огнем и мечом он победил правителей Джумлы, и князь Мустанга признал его сюзеренитет. Были установлены дружественные отношения между Ло и Ладакхом, скрепленные династическими союзами [Jackson 1978, 219–223]. XVII–XVIII вв. – период войн между княжествами Джумла и Ладакх за Ло, время отчаянных попыток князя Самруба Палбара (1656–1710) освободиться от доминирования Джумлы в союзе с Ладакхом и Парбатом (Парватом), когда местная аристократия Мустанга также враждовала с собственным князем (бывшим союзником Ладакха) и часто становилась “партией” Джумлы в Мустанге. В определенные периоды князь Мустанга контролировал лишь незначительную часть владений своих предков на севере, ограничиваясь Верхним Ло. После удачных войн начала XVIII века, когда Джумла несколько раз была побеждена коали-

цией княжеств Ло, Ладакха, Парбата и Доти, пришло время упадка Ладакха и ослабления Парбата [Dhungel 2002, 109–111]. Джумла вновь завладела Мустангом и заставила его свободолюбивых правителей подчиниться. Область Тхак Кхола же, вероятно, попала под влияние Парбата (княжества в Западном Непале), а Джумла аннексировала значительные территории Ло [Ramble, Vinding 1987, 9]. Трансгималайская торговля и значительные прибыли попадали теперь в руки князя Джумлы.

Ситуация кардинально изменилась с появлением в этом регионе Гималаев в 1786–1788 гг. воинственных гуркхов, которые под предводительством наследников Притхви Нараяна Шаха продолжали объединять многочисленные гималайские княжества в одно большое государство. Даже война Непала с Тибетом, начавшаяся в 1788 г., не помогла княжеству Джумла остановить войска непобедимого принца-регента Бахадура Шаха (регентство в 1785–1794). Князь Мустанга активно способствовал гуркхам в этой войне, а в 1788 г. окончательно “покорился” династии Шах.

Итак, до признания верховной власти династии Шах Мустанг был зависимым от Джумлы и платил этому княжеству дань. Продолжала существовать символическая дань Тибету [Appendix III 2002, 227–228]. Традиционно княжество Ло Лхаса рассматривала как своего вассала, хотя этот вассалитет был скорее номинальным. Мустанг действительно всегда поддерживал близкие культурные и религиозные связи с Тибетом. К тому же как династия мустангских правителей Дорже (Биста), так и само население княжества имели тибетское происхождение. Высоким уважением и авторитетом пользовались далай-ламы. Так, в середине 1750-х гг. к Далай-ламе VII с просьбой рассудить их спор обратились правители Джумлы и Мустанга, которые постоянно враждовали. Это был один из последних эпизодов, когда решения, принятые в Лхасе, имели для Мустанга реальный вес или, по крайней мере, им придавалось значение во дворце князя Ло [Шакабпа 2003, 164].

Начиная с 1730-х гг. растущий контроль Джумлы, исчезновение старых союзников Мустанга, унижительная оккупация прежних владений князя, а также упадок торговли, контролируемой Джумлой, заставляли как правителей Ло, так и подданных искать альтернативу такому жесткому сюзерену, как Джумла. Такая

возможность появилась с приходом новой силы, достаточно сильной и “присутствующей”, чтобы подчиниться ей, но достаточно лояльной и несколько удаленной, чтобы бескомпромиссно ущемлять свободу князя Ло (Мустанга), – непобедимой в Гималаях армии гуркхов и династии, которая впервые за несколько веков развернула широкую политику объединения горных княжеств и общин в великую державу, своего рода “гималайскую империю”. Гуркхи геополитически “появились” в регионе 1786 г., победив старого союзника Ло – княжество Парбат. Можно предположить, что именно тогда начались, вероятно, полусекретные или тайные переговоры о переходе Ло под покровительство “великого короля” из горкхской династии. Об этом может рассказать письмо непальского офицера Амара Симха Тхапа 1786 года, адресованное аристократии и народу Барагаона в Нижнем Мустанге. Непальский командующий призывает мустангцев выступить вместе с гуркхами против Джумлы [Appendix II 2002, 191]. Интересно, что в письме не упоминается ни князь, ни само княжество. Но, возможно, это было необходимо, чтобы скрыть реальные переговоры между князем Ло и непальским военным командованием и чиновниками (если бы письмо было перехвачено и т. п.), прямо не указывая на князя в рамках конспирации. Так или иначе, но именно в 1786 г. Мустанг отказался платить дань Джумле [Dhungel 2002, 124]. А в 1788 г. Вангьял Дордже официально признал верховенство Непала и выступил вместе с непальским войском против Джумлы. Это был взаимовыгодный союз. Целью правителя Ло (Мустанга) было получить вновь свои права, привилегии, свободу действий в рамках своего домена, а главное – восстановить границы домена в первоначальном виде. Вновь получить доступ к трансгималайской торговле – это была общая цель князя и его подданных. Все эти права *магараджадхираджа* Непала был готов даровать правителю Мустанга – *Ло гьялпо* за признание верховной власти короля, верную службу и выполнение определенных условий.

В 1790 г. князь Мустанга Вангьял Дордже (1760–1797) получил от короля Рана Бахадура Шаха медную доску – королевскую жалованную грамоту с привилегиями князю (радже) Мустанга как вассалу Шахов. Отношения, которые были установлены в

1788 г., окончательно закреплялись. В этой жалованной грамоте король подтверждал права и власть мустангского правителя над “землями прадедов”. Мустангскому государю был дарован титул *раджи*, что является эквивалентом тибетского титула *гьялпо* (князь, король, царь) и *чхогьял* (князь, король, царь дхармы, веры, закона). В документе король передавал под власть раджи его наследственные земли, ранее занятые княжеством Джумла, и все те земли, которые ранее были под управлением мустангского правителя Амपालа, вновь перешли к его потомкам, впервые за долгое время [Appendix 1989, 90–92]. Возвращалось князю и право собирать традиционные налоги (*дастура*), которым до этого пользовалось княжество Джумла в землях, во времена расцвета княжества Ло входивших в сферу влияния мустангского гьялпо. Дарбар также предоставлял право собирать особый торговый налог (*чйакоп*) [Appendix 1989, 90, 92]. Однако, как отмечает документ, Вангьял Дордже был обязан “свободно пропускать” на своих землях непальскую аристократию (*бхарабхарадара*), представителей центра (чиновников), войска. В случае необходимости Мустанг должен был отправлять свои войска вместе с королевской армией: “Если мы ведем боевые действия на северо-западе, присылай со всей готовностью свои полки и военное снаряжение (амуницию) и присоедини свою армию к нашей и атакуй те земли, которые должны быть атакованы, и охраняй те, которые должны быть под защитой” [Appendix 1989, 91–92; A letter from king Ran Bahadur Shah... 1970, 99].

Король Рана Бахадур в жалованной грамоте 1790 г. определил “тип” платежей своего вассала и их размер. Мустанг становился одним из *сирто раджья*, то есть князь за право владения своего домена обязан был платить королю раз в год дань *сирто*. Дань в 71 рупию, которая по традиции выплачивалась Мустангом Лхасе, король приказывал платить и дальше. Дань Тибету в непальских официальных документах получила название *садхарана сирто*, или “простая дань”. Об этих традиционных выплатах в 70 (а не 71) рупий (или серебряных мохара) упоминает и Далай-лама в своем приказе князю Ло 1724 года. Тогда же Лхаса увеличила сумму с 70 до 120 рупий [Appendix III 2002, 227–228]. Король Непала в 1789 г. пересмотрел подобную практику и все

же обратился почти к традиционной сумме. Дань, которую Мустанг отдавал князю Джумлы (929 рупий и пять лошадей), теперь должна была раз в год отправляться в Катманду в четко фиксированное время [Appendix 1989, 91–92]. Кроме того, князь Мустанга, как настоящий властелин своих земель, имел право держать собственных вассалов – *биртавалов*, т. е. жаловать земли частным лицам, а также храмам и монастырям, благотворительным организациям [Stiller 1973, 256–257]. Мог вассальный правитель жаловать *джагир* (“условные” земельные владения, предоставляемые временно на условиях службы, часто военной) [Adhikari 1980, 151; Regmi 1976, 17, 71–76]. Велика была власть князя, о чем говорят документы, и над его подданными (которым он также имел право передавать землю для обработки, переселять с этой целью на неосвоенные земли и др.). Подтверждает подобное другой документ 1790 года – королевский декрет Рана Бахадра Шаха – и ряд других [A decree of king Ranabahadura Saha... 1989, 21–23; Appendix 1989, 92; A letter from king Rajendravikrama Saha... 1989, 47–49].

Так, на первый взгляд может показаться, что Непал становился на место недавно побежденной гуркхами Джумлы, а Мустанг получал статус своеобразного “двойного вассалитета” со значительным “перевесом” в пользу Катманду. Но Лхаса давно уже потеряла реальный контроль над княжеством, и дань, уплачиваемая Тибету, была скорее символической практикой поддержания “дружественных отношений”, в первую очередь религиозных, что было очень важно для этого буддийского княжества. Попадание же в орбиту власти короля Непала и династии Шах означало серьезные изменения в статусе и управлении гималайским княжеством Ло. По логике социально-политических реалий гималайского края сохранение нескольких зависимых княжеств, таких как Мустанг, должно было привести к раздробленности и ослаблению власти центра и в конечном итоге – к печальной участи децентрализованных “федераций” в Гималаях под сюзеренитетом династий Сен в Макванпуре и Малла в Кхасском королевстве. Именно отсутствие единства в трех неварских княжествах долины (где правили три ветви династии Малла) привело к их

падению. Но политика династии Шах качественно отличалась от политики Малла и Сен, хотя и предусматривала частичную децентрализацию [Stiller 1973, 255–257].

Для властителей нового Королевства Непал было бы большой ошибкой вводить значительные изменения и перестройки в общественно-политической системе каждого отдельного микромира (микрокосма) горного княжества. Такая политика только усилила бы сопротивление, вызвала восстание и недовольство местных элит и населения, привела бы к сепаратизму и войнам [Stiller 1973, 255]. Небольшая Горкха, “вотчина и сердце” Шахов, не могла ни физически, ни по опыту администрирования в маленьком аграрном княжестве “вместить” такую огромную территорию и ее политико-административный аппарат (несмотря на т. н. политику “горкхизации”, которая, безусловно, также имела место). Поэтому королевской двор шел на уступки, считая своим долгом сохранение и поддержание местных традиций и прав каждой земли – *деша* [Burghart 1984, 102–103]. Дарбар должен был опираться на уже существующие внутренние социально-политические структуры гималайских областей, социокультурных общностей, социальных групп, каст и государственных образований. Короли династии Шах были готовы в обмен на лояльность, помощь и службу правителей княжеств дарить им права и власть в их землях, сохранять их традиционные привилегии. Закладывая основы этой внутренней политики отношений между центром и зависимыми княжествами (сюзерена и вассала) начал, конечно, Притхви Нараян Шах [см.: Baral 1964, 17–33]. При нем появилось первое такое вассальное княжество – Джаяркот (Джаджаркот) в 1769 г. Князь Джаяркота был удостоен многих привилегий – он контролировал администрацию княжества, непосредственно вершил суд, имея право выносить высший приговор, изгонять из касты, возвращать в касту, жаловать или конфисковать владения *бирта*, собирать налоги и судебные штрафы, основную часть которых можно было использовать по своему усмотрению [A letter from king Prithvi Narayan Shah... 1970, 17]. Подобными правами, безусловно, пользовался и гьялпо Мустанга, особенно в первые десятилетия после установления отношений с Катманду [Stiller 1973, 258].

Итак, взаимоотношения между Дарбаром и вассалом основывались на иных принципах управления, чем это было в государстве Малла и других гималайских княжествах. Центр контролировал вассального раджу, причем сюзерен в случае необходимости приводил к повиновению вассала “твердой рукой”, уверенно и жестко, как и положено “великому князю из князей” и “храброму воину, который не знает поражений в битвах”, как титулуют короля Непала документы [см.: Pant, Pierce 1989]. Так, территория княжества могла быть передана другому, а зависимый князь мог рассчитывать на сохранение своего статуса и прав (как и своих потомков) лишь при условии лояльности королю и выполнения своих обязанностей. Только доказывая свою верность, вассал мог “держаться от короля” землевладения *бирта*, т. е. свое династическое владение [Regmi 1976, 25]. Были и другие требования Катманду, ограничивавшие власть вассалов. Территория зависимого княжества могла быть изъята из владений одного раджи и передана другому; при создании новых княжеств их земли часто формировались из конфискованных у уже существующих вассальных княжеств; вассальный правитель должен был способствовать Катманду в поисках преступников. Сюзерен ожидал от своих вассалов даров, обязательным для вассала было посещение церемоний при дворе, таких как коронация нового монарха и *братабандха* (достижение совершеннолетия принцев), вассалы короля Непала носили траур, если их сюзерен умирал; земельные участки, пожалованные радже за заслуги от представителей центра (чиновников), должны быть утверждены Дарбаром; требовалось утверждение передачи земель от одного раджи к другому; король Непала мог передавать установленные ранее обязанности от одного вассала другому [Stiller 1973, 258–259].

Безусловно, эти требования центра ограничивали власть и полномочия князя, но кардинально не меняли феодальной системы отношений между сюзереном и вассалом и не нарушали того особого равновесия, существовавшего между ними, в пользу первого. В случае со многими непальскими зависимыми княжествами их верховный сюзерен, вероятно, проявлял не меньше последовательности, чем его западноевропейские “коллеги” в эпоху Средневековья в вопросе соблюдения прав и привилегий верных

ему вассальных правителей. Так Мустанг продолжал существовать как зависимое владение (княжество) вместе с другими автономными княжествами на западе Непала на протяжении длительного времени, и, несмотря на определенные изменения в статусе раджи, так княжество вошло и в XXI век [Dhungel 2002, 4–6]. Интересно, что княжество Мустанг было окончательно ликвидировано лишь в октябре 2008 года маоистским правительством Непала.

Следовательно, важным столпом взаимоотношений между королем и вассальным раджей были верность и служение. “Будь верен нам, ешь нашу соль (соль была в Непале, как и в некоторых других странах Востока, символом верности; принося клятву верности сюзерену, вассал часто ел соль. – М. Д.) и выполняй наши повеления. Знай, что земли эти (в этих границах) – твое княжество, и владей ими, как твои деда издавна”, – так предписывает король Непала гьялпо (радже) Ло в жалованной грамоте 1790 г. “Честно служи нам. Выполняй это (то есть свои обязанности перед королем. – М. Д.), и наша милость и расположение не будут знать конца”, – говорится в другом монаршем письме радже Ло [A letter from king Rajendravikrama Saha... 1989, 47, 49]. Выполнять приказы сюзерена, быть готовым воевать за него и в случае необходимости отдать жизнь – вот что требовалось от настоящего благородного вассала. Интересно, что подобный социально-этический идеал существовал не только среди европейского рыцарства [подробнее об этом см.: Кин 2000].

И князя Мустанга верно служили своему сюзерену. Так, во время тибето-непальской войны 1788–1792 гг. (в которой на стороне Тибета выступал Китай) князь Вангьял Дордже, как вассал короля, сам возглавил мустангские войска и выступил против врага. Но позднее, как не только вассал и аристократ, воин на службе короля, но и человек тибетской культуры и дипломат (*бхотиа раджа*, как часто называли правителей Ло на непали и гуркхи, и джумли (джумльские князья пользовались именно этим языком в своих официальных документах), родственном кхаскура (старый непали)), князь стал медиатором в переговорах между сторонами и способствовал установлению мира. За свое посредничество, которое было высоко оценено императором

Поднебесной, князь Вангъял Дордже был удостоен особой чести – получил от императора золотую корону, украшенную драгоценными камнями. Вместе с короной, подаренной королем Непала, эти две короны составляют регалию княжества Ло (Мустанг) – *Тогсум* (rTog-gsum) [Dhungel 2002, 125–126].

Следует подчеркнуть, что и у короля Непала были обязанности, а не только права: за верную службу князя Мустанга он обеспечивал и гарантировал сохранение прав и привилегий вассала, оказывал помощь в случае необходимости, одаривал и защищал его. В этом проявлялся средневековый, феодальный принцип взаимности пожалований (даров) и услуг [Ванина 2007, 161–162]. Этот и ряд других аспектов социально-политического устройства Мустанга приближают его к западноевропейскому феодализму. Король Непала поддерживал *дхарму* всего большого королевства, “всех владений дома Горкхи”, князь Мустанга также способствовал поддержанию дхармы на землях своего домена, – и оба государя были связаны, нуждались друг в друге и в каком-то смысле “служили” друг другу (в том числе в измерении сакральном и ритуальном). Здесь уместно привести мнение известного медиевиста А. Гуревича о том, что “служение” было важной, неотъемлемой составляющей “дарения”: “дарить” и “служить” воспринимались как равнозначные понятия и явления [Гуревич 1984, 255–258]. И это заключение касается Западной Европы, это вполне соответствует и непальским, в данном случае мустангским, реалиям. Подобные явления можно встретить и в соседней Северной Индии, в Раджпутане [см.: Успенская 2000].

Традиционное общество тибетоязычного Ло делилось, как отмечает французский исследователь М. Пессель, на четыре иерархические уровни – аристократия (*лумб* – придворные князя и *джембе* – правители поселков (районов)), монашество (буддийская сангха), крестьяне-землевладельцы и безземельные крестьяне [Пессель 1978, 31–33]. Существовали также две субкасты: *гора* и *шемба*, которые занимались греховной и вредной для кармы деятельностью – были мясниками. Непальский историк Рамеш Дхунгел называет, правда акцентируя на современном состоянии общества в Мустанге, следующие три основные социальные группы: *курагна* (sKu-drag-pa), т. е. правящий класс, элита; *плалта*

(Plal-ра), обычные крестьяне; *гарпа* (mGar-ра) – самый низовой, бедный слой общества [Dhungel 2002, 14–15]. Социально-иерархическая система Ло была включена в состав непальской социальной многоуровневой модели, которая базировалась на ведическом принципе разделения общества на четыре варны и 36 каст (джати). Можно сравнить сословно-иерархическую систему в Ло с четырехварновой индуистской, но вполне уместно сопоставить и с “трехуровневой моделью” деления общества в странах средневековой Западной Европы (природа их, очевидно, была во многом схожей) [Ванина 2007, 1–2].

“Трехуровневая модель” предполагала существование, соответственно, трех состояний (“порядков”): духовенства (*oratores*), рыцарства (*bellatores*) и трудящихся (крестьян) (*aratores, laboratores*) – и бытования трех же комплексов социально-этических ценностей (молиться, сражаться, работать), которыми эти группы должны были руководствоваться [Гуревич 1984, 207]. Выдающийся нидерландский медиевист И. Хёйзинга подчеркивал: «В средневековом сознании понятие “состояние”... или “орден” (порядок) во всех случаях поддерживается благодаря осознанию, что каждая из этих групп представляет собой божественное установление» [Хёйзинга 1988, 62]. И нарушать этот закон нельзя при любых обстоятельствах – нарушение этой трехуровневой градации в восприятии средневекового человека Запада привело бы к разрушению общественного организма и государства или даже стало бы предвестником апокалипсиса [Гуревич 1984, 207–208]. Интересно, что смешение между собой варн воспринималось бы в Непале, как и в Индии того времени, примерно так же [Ванина 2007, 164]. Каждая из этих социальных групп должна была выполнять свои функции, даже свою задачу в “поступательном строительстве Царства Божия” [Дюби 2003, 35]. Сакральное происхождение, безусловно, имели и основные градации (уровни) варно-кастового общества индуистских или индуизированных в процессе истории регионов и сообществ Непала. Тут речь идет о четырех “идеализированных моральных архетипах”. Они, как об этом пишет российский историк Е. Ю. Ванина, “должны были определять образ жизни основных социальных групп и общественное отношение к ним. Благополучие общества

зависело от того, насколько поведение всех социальных групп и каждого из их индивидуальных членов укладывалось в эти стереотипы, что, в свою очередь, определяло, что господствовало в данную эпоху в том или ином царстве – *дхарма* или *адхарма*” [Ванина 2007, 237]. В целом похожим было восприятие социально-иерархического деления общества и среди буддийских общин и земель королевства. Можно предположить, что таким оно было и в Мустанге в конце XVIII – начале XIX в. [Ramble 1992–1993, 50–53]. Что касается самой социальной градации в Ло, то, как видим, она также имеет параллели с европейской феодальной “трехуровневой моделью”, особенно если считать третью и четвертую группы (крестьян-землевладельцев и безземельных крестьян) одним звеном иерархической системы – *крестьянства*.

Непальский историк К. К. Адхикари, проанализировав статус, права и функции автономных западнепальских княжеств (в основном наследников Баиси и Чаубиси, в том числе и Мустанга), пришел к выводу, что по нескольким аспектам и по характеру управления и отношений с “сюзереном” вассальные княжества Непала были близки к феодальным государствам Западной Европы эпохи Средневековья, имея с ними много общего [Adhikari 1980, 151–152]. Адхикари обратил внимание на то, что именно феодальное землевладение, *фьеф*, одно из важнейших звеньев феодальной системы, составляло основу подобной системы в этих княжествах, включая, безусловно, и Мустанг. Владение было основным источником доходов князя, а его прерогативы и права были чрезвычайно широкими: он контролировал администрацию княжества, имел широкие полномочия по отношению к населению, вершил суд, налагал штрафы и собирал налоги, держал собственных “вассалов”, о чем уже говорилось выше. Отмечали феодальный характер социально-политического и социально-экономического развития княжеств Непала (правда, включая период незадолго до завоеваний Притхви Нараяна, что не меняет существенно положения вещей) и другие исследователи [см.: Редько 1974, 34–62; Празаускас 1974, 3–33; Shrestha 2005, 158–160; Whelpton 2005, 18–34].

О феодализме в Ло (Мустанге) также говорил французский антрополог и этнолог М. Пессель, сравнивая мустангскую госу-

дарственность, феодальные обычаи и суровый быт страны с Францией X–XI веков [Пессель 1978, 24–26]. По мнению известного французского исследователя, Мустанг буквально “дышал” Средневековьем, несмотря на то что экспедиция Песселя приходилась на 1964 год. Он заявляет: “Но здесь я хочу подчеркнуть, что тибетская культура Мустанга имеет гораздо больше общего со средневековой Европой, чем с традициями своих соседей...” [Пессель 1978, 55–57]. М. Пессель стал третьим европейцем (после Т. Хагена и Д. Туччи), который посетил столицу “затерянного княжества” Мустанг, изолированного от мира на протяжении веков, – Ло Мантханг². Он открыл для себя архаичное, законсервированное общество, которого современность почти не успела коснуться. Исследуя этнографию, обычаи и традиции, способ мышления и восприятия мира народа лоба (мустангцев), М. Пессель уловил и зафиксировал, или, по крайней мере, попытался зафиксировать, ту еще не измененную под внешним воздействием культуру горного княжества и определил эту культуру как культуру средневековую. Наблюдения М. Песселя, сделанные в княжестве Мустанг, очень ценны и, несмотря на критику (например, непальский историк Р. Дхунгел считал, что М. Пессель смотрел на земли Мустанга через очки “романтичного ориенталиста”), заслуживают особого внимания [Dhungel 2002, 28–30]. Сам же доктор Р. Дхунгел признает это.

Конечно, параллели между европейским феодализмом и непальским (мустангским) во многом условны, не могут восприниматься буквально – на Востоке в целом и в Непале в частности объективно существовал ряд различий. Однако приведенные примеры свидетельствуют, что типологически сходные процессы и явления в социальной и политической сфере все же имели место и на Западе, и на Востоке (так, например, определенные аналогии находит А. Прусаускас [Прусаускас 1974, 3–13]). Западноевропейский феодализм становится объектом сравнения с таким восточным обществом, как непальское, вовсе не потому, что выступает эталоном “правильного” феодализма, а скорее потому

² М. Пессель стал первым человеком Запада, который удостоился аудиенции у князя Мустанга.

что является лучше исследованным. Представляется актуальным применение выработанной западными медиевистами методологии (как это делает Е. Ю. Ванина в отношении Индии, страны в целом близкой к Непалу [см.: Ванина 2007]). В этом контексте справедливо будет вспомнить слова выдающегося востоковеда Н. Конрада: “Мы увидели, что для лучшего понимания изучаемых нами явлений нам необходимо изучать аналогичные явления, возникшие на такой же – с точки зрения общих законов общественного развития – почве на Западе” [цит. по: Ванина 2007, 16].

Зафиксированные различия не являются “отклонением”, а наоборот, подчеркивают уникальность того или иного государства, народа, культуры, тем более что речь идет все же, о разных цивилизациях. Не стоит забывать, что и Западная Европа в эпоху Средних веков не была на политическом, социокультурном и других уровнях унифицированной, единой. В разных регионах Европы и феодальные отношения имели свою специфику, и “хронология” и прочие стороны “средневекового бытия” отличались и далеко не всегда “совпадали”. Достаточно вспомнить о том, как разительно отличались “феодальные системы” только лишь среди народов и королевств Британских островов (не говоря уже о том, насколько они совпадали с “классическим эталоном” – Французским королевством). Даже в рамках одного королевства сосуществовали разные подходы (в качестве примера – феодальные отношения в равнинной Южной Шотландии (Лоуленде) и особая клановая и родовая квазифеодальная система земель горных гельских кланов (Хайленда) на Севере) [см. подробнее: Мак-Кензи 2006]. Здесь, очевидно, следует говорить о существовании сложных социальных и социокультурных, политических систем и подсистем, о разнообразии и пестроте европейских обществ и государств в этот период [см.: Хёйзинга 1988; Ле Гофф 2000; Дюби 2000; Дюби 2003; Ванина 2007]. При этом того, что все постоянно менялось в этих европейских средневековых государствах и регионах, даже в рамках достаточно узкого периода времени, исключать не стоит (Средневековье вовсе не было периодом “замороженной” динамики – изменения происходили) [Гуревич 2005, 144].

Многие исследователи, изучавшие этот регион Непала, говорили о доминировании “феодалных отношений” с местными особенностями как в самом Ло, так и в землях, подвластных мустангскому гьялпо на юге. Например, иллюстрацией этому могут послужить указанные выше документы. Они же помогают в целом понять характер взаимоотношений между князем, *биртавалами* и *джагирдарами* и крестьянами.

Несмотря на маленькую территорию, Южный Мустанг состоял из нескольких государственных образований, среди них Марпа, Тхини (Сомбу), Барагаон [Schuh 1990, 1–2]. Очень важную роль в реконструкции истории и политической структуры этих маленьких государств, так называемых “западных княжеств”, играют *бемчаги* – уникальные документы, сущность которых трудно выразить одним термином. На сегодня известны бемчаги из Циманга (открытые в 1977 г. датчанином М. Виндингом вместе с непальцем К. Л. Тхакали) и бемчаги из Кагбени и Марпы. Бемчаги являются своего рода коллекцией сборников прецедентов и “деклараций”, принятых на собраниях ассамблей, по которым жили и управлялись южномустангские государственные образования (некоторые из них – скорее политические объединения, которые трудно в прямом смысле назвать государствами) [Schuh 1990, 1]. Возможно, значение термина *бемчаг* и близко к *карчак* (тиб. dkar-chag – буквально “список, реестр, перечень содержания”), по крайней мере, в некоторых случаях его можно понимать так, ведь бемчаги разных областей отличались по своему содержанию.

М. Виндинг и Ч. Рембл называют эти документы “деревенскими записями” и даже “историческими хрониками”, предполагая, что такое значение бемчаги могли иметь и среди “княжеств” Тхак Кхола (например, в Барагаоне) [Ramble, Vinding 1987, 5–11]. В основном бемчаги были написаны в XVII–XVIII вв. Так, датировка договора (*чодйиг*, chod-yig) о границах, праве сбора налогов и др., заключенного между государствами Тхаг, Тхини и Пунри (Марпа), колеблется между 1697-м и 1757-м (он был ратифицирован ими или в 1697-м, или в 1757 г.) [Ramble, Vinding 1987, 17–19; Appendix I 1987, 36–37].

Особого внимания заслуживают бемчаги из Марпы, принятые в XVIII – нач. XIX в. Небольшое государство Марпа (Марпха, или Пунри) по своему государственному устройству уникально – оно не было монархией, как соседние княжества Ло или Барагаон [Schuh 1990, 6–7; о государственном устройстве Барагаона также см.: Ramble 1992–1993, 49–58]. Политическую организацию Марпы можно назвать “олигархической республикой”. Так, первый и второй известный науке экземпляр марпского бемчага – копии документов (“кодексов”, как их называет Д. Шух), принятых решением собрания всех граждан в 1796 году. Позднее эти своеобразные “хартии”, по которым управлялась Марпа, дополнялись, редактировались и т. п. (но это также происходило решением всех граждан). Конечно, не все жители Марпы были гражданами (*yul-mi*) *юлми*. В документе упоминаются также такие социальные группы, как слуги (слуги знати, вероятно, зависимые крепостные крестьяне *bhaxo* (*bha-do*) и рабы *йогпо* (*yog-po*)). Эти две группы населения не имели права участвовать в собраниях “ассамблей” всех граждан и, соответственно, занимать административные должности в государстве [Schuh 1990, 2].

Граждане в возрасте от 18 и до 60 лет были обязаны активно участвовать в политической жизни, появляться на каждой очередной встрече национальной ассамблеи Марпы, занимать (выборные) должности в государстве. Если гражданин отказывался это выполнять, с него взимался штраф [Schuh 1990, 3]. Глава государства в Марпе, в отличие от своих соседей, избирался сроком на 3 года. “Великий староста”, или *ранчен* (*rgan-chen*) и “властелин над людьми” (*мирдже*, *mi-gje*), как называли выборного главу Марпы, представлял государство во внешних связях и имел высшую судебную власть. К сожалению, бемчаг не дает никакой информации о том, кто именно и как, при каких условиях избирался на этот высокий пост (следовательно, полностью исключать, что этот пост могли занимать представители одной группы населения, клана или даже рода, мы не можем). Администрация государства состояла из четырех *митху* (*mi-thus*) (занимали свою должность 2 года) и десяти *ролпо* (*rol-po*) (соответственно – 1 год), назначавшихся главой государства. Из среды ролпо назначался их непосредственный “начальник” – *минкья* (*min-kyu*). Все эти должности в администрации граждане занимали по очереди.

В государственной иерархии *митху* шли сразу за *ранченом*, а *ролло*, соответственно, занимали низшую административную ступень в государстве. Чиновники обеспечивали мир и порядок, присутствовали при исполнении гражданами различных повинностей (например, при восстановлении ирригационной системы, строительстве мостов). Митху и ролло собирали налоги и штрафы. Интересно, что за выполнение своих обязанностей они не получали жалованья, в то время как глава государства имел значительные поступления от налогов. В течение 3 лет правитель Марпы обладал широкими полномочиями, сосредоточивал в своих руках значительную власть. В то же время великий староста в своих действиях ограничивался законами и регламентациями, принятыми гражданами на заседаниях Ассамблеи и закрепленными в бемчагах [Schuh 1990, 4–5].

Итак, Марпа была своего рода непальской “демократией по средневековому”. И средневековая Европа знала подобную форму государственного устройства – например, Венецианская республика или же, в качестве примера “периферийного” (конечно условно) региона, исландское народовластие, где основные решения принимались на *тингах* (главным был *альтинг*), а фактический глава государства также избирался (в Исландии, независимой до 1262 года, когда она признала верховную власть короля Норвегии, такой центральной фигурой был “законоговоритель”). Трудно отрицать, что политическая система в маленькой гималайской “республике” не только отличалась от всех соседей и имела уникальные черты организации, но и даже демонстрировала определенное “развитие”, эволюцию. Так, в бемчаге 1738 года называют, кроме ранчена, четырех митху, восемь благородных мужей, еще двенадцать аристократов – очевидно, представителей влиятельных знатных семей Марпы. Проанализировав бемчаг 1738 года, Д. Шух приходит к выводу, что и решения, принятые и закрепленные в этом документе, – результат влияния указанных 12 аристократов и, вероятно, групп-кланов, стоящих за ними. В 1738 г. аристократия играла ведущую роль в государстве. Бемчаг 1796 г. демонстрирует совершенно другую ситуацию – старые аристократические династии присутствуют на заседании ассамблеи, но они – лишь одна из групп граждан, собравшихся,

чтобы ратифицировать новую хартию [Schuh 1990, 2–3]. Очевидно, в конце XVIII в. идеалы “народовластия” окончательно потеснили, отвели на второй план старую аристократию, правда, можно только предполагать, насколько при этом изменились позиции верховного правителя Марпы, несмотря на подобную “демократическую” победу ассамблеи. Другой пример развития демократических институтов Марпы – право каждого гражданина в суде оспаривать решение главы государства (он был и верховным судьей). Конечно, об этом и речи не могло быть в княжестве Барагаон (вместе с долиной Муктинатх и городом-крепостью Дзонг), где вся власть принадлежала старому аристократическому роду Кьяркьяганпа (sKyag-kyu-gang-pa), который захватил земли в Нижнем Ло (Мустанге) в XVII веке [Jackson 1978, 220]. Правители этого удела носили титул *кхритогна* (khri-thog-pa), фактически они были наследственными правителями-князьями.

Все вопросы, в том числе юридические, решались без вмешательства иностранных “посредников”. Обращаться к иностранным правителям или чиновникам с просьбой “рассудить” (что было очень распространенным явлением среди соседей) было строго запрещено в Марпе. Такой традиции граждане не изменили, даже попав с 1788–89 г. под власть Королевства Непал, – бемчаг, принятый в 1796 г., запрещает обращаться по таким вопросам к королю из Катманду (*Ямба*). Только в 1808 г. гражданами было принято дополнение, что позволяло такую практику, и то в качестве единственного исключения из правил [Schuh 1990, 3–4].

Таким образом, Марпа пользовалась широкой автономией, могла сохранять свою политическую идентичность, традиции, культуру. Это является еще одним прекрасным примером политики “умеренной децентрализации”. Мустанг и его южные “даники” вместе с другими вассальными княжествами сохраняли особенности собственной политической, социальной организации еще достаточно долго [Ramble 1992–1993, 50; Dhungel 2002, 127]. Ведь в этих *деша* местные народы пользовались своими “исконными правами”, имели собственные традиции и образ жизни, унаследованные от предков. Все это король должен был уважать и охранять как своего рода региональную *дхарму*. Еще проще было позволить продолжать ее (*дхармы*) поддержание тому, кто и делал это на протяжении веков. Поэтому короли Не-

пала из династии Шах довольствовались преданным служением вассала и его полной лояльностью, частично вмешиваясь во внутренние вопросы подвластных княжеств и контролируя лояльность их правителей. Но с приходом наследственной династии магараджей и “прямых-министров” Рана в 1846 году и усилением курса на централизацию и политическую индуизацию произошли изменения в управлении зависимыми территориями [Burghart 1984, 115–118; Adhikari 1980, 145–150; Pant, Pierce 1989]. Власть князя Мустанга, как и других правителей, была несколько ограничена, контроль центра усилен. Но и эти нововведения Рана оставляли гьялпо много привилегий и не превращали его в “марионетку”. Гьялпо продолжал, как и раньше, управлять землями княжества, собирать налоги, судить (без права теперь выносить высший приговор) и т. д.

Следовательно, такая система управления вассальным княжеством была компромиссом между региональными особенностями и желанием Дарбара осуществлять контроль даже в таких отдаленных землях, как княжество Мустанг. Подтверждением тому служит ряд административных документов, королевские письма, декреты, *рукки* и *бемчаги* (хартии, кодексы и хроники) периферийных небольших государственных образований XVIII – начала XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Ванина Е. Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. Москва, 2007.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва, 1984.

Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. Москва, 2005.

Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. Москва, 2000.

Дюби Ж. Доба Соборів. Мистецтво та суспільство 980–1420 років. Київ, 2003.

Кин Морис. Рыцарство. Москва, 2000.

Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Екатеринбург, 2000.

Мак-Кензи Агнесс. Кельтская Шотландия. Москва, 2006.

Пессель М. Путешествия в Мустанг и Бутан. Москва, 1978.

Празгаускас А. А. Социальные и экономические предпосылки политической раздробленности в Непале в XVI – первой половине XVIII в. // **Непал: история, этнография, экономика.** Москва, 1974.

Редько И. Б. Социально-экономические отношения в Непале в первой половине XVIII в. и воздействие на них горкхских завоеваний // **Непал: история, этнография, экономика.** Москва, 1974.

Редько И. Б. **Очерки социально-политической истории Непала в новое и новейшее время.** Москва, 1976.

Хейзинга Й. **Осень Средневековья.** Москва, 1988.

Шакабпа В. Д. **Тибет. Политическая история.** Санкт-Петербург, 2003.

Успенская Е. Н. **Раджпуты: рыцари средневековой Индии.** Санкт-Петербург, 2000.

A decree of king Ranabahadura Saha (1790 A.D.) // *Pant M. R. & Pierce P. H.* **Administrative Documents of the Shah Dynasty Concerning Mustang and its Periphery (1789–1844 A.D.).** Bonn, 1989.

A letter from king Rajendravikrama Saha to the king of Mustang (1819 A.D.) // *Pant M. R. & Pierce P. H.* **Administrative Documents of the Shah Dynasty Concerning Mustang and its Periphery (1789–1844 A.D.).** Bonn, 1989.

A letter from king Prithvi Narayan Shah to raja Gujendra Shaha of Jayarkot (1769) // **Regmi Research Series.** 1970. № 3.

A letter from king Ran Bahadur Shah to raja Wangyal Dorje of Mustang (1790) // **Regmi Research Series.** 1970. № 3.

Adhikari Krishna Kant. The status, powers and functions of rajas and rajautas during the nineteenth century Nepal in the light of contemporary documents // **Contributions to Nepalese Studies.** Vol. VIII, № 1. 1980.

Appendix: A copperplate grant from Ranabahadura Saha (1790 A.D.) // *Pant M. R. & Pierce P. H.* **Administrative Documents of the Shah Dynasty Concerning Mustang and its Periphery (1789–1844 A.D.).** Bonn, 1989.

Appendix I: Original text of Cimang bem-chag // *Ramble C. A. E., Vinding M.* Bem-chag village record and the early history of Mustang District // **Kailash.** Vol. 13. 1987.

Appendix II: An order of Sardar Amarsimha Thapa to the people of Upper Mustang and Upper Dolpo area concerning general order to join hands with the Gorkha Army, 1788 (1845 BE) // *Dhungel, Ramesh K. The Kingdom of Lo (Mustang). A Historical Study.* Tashi Gohel Foundation, Kathmandu, 2002.

Appendix III: An order of the Dalai Lama issued in the name of religious and village authorities of different Tibetan cultural regions related to Mustang-Jumla relations // *Dhungel, Ramesh K. The Kingdom of Lo (Mustang). A Historical Study.* Tashi Gohel Foundation, Kathmandu, 2002.

Bajracharya B. R. Bahadur Shah. The Regent of Nepal (1785–1794 AD). New Delhi, 1992.

Baral, Leelanatheshwar Sharma. Life and Writings of Prithvinarayan Shah. Unpublished PhD dissertation, University of London, 1964.

Burghart Richard. The Formation of the Concept of Nation-State in Nepal // *The Journal of Asian Studies.* Vol. 44, № 1. 1984.

Dhungel, Ramesh K. The Kingdom of Lo (Mustang). A Historical Study. Tashi Gohel Foundation, Kathmandu, 2002.

Hamilton F. B. An Account of the Kingdom of Nepal. Edinburgh, 1819.

Jackson David. The Early History of Lo (Mustang) and Ngari // *Contributions to Nepalese Studies.* Vol. IV, № 1. 1976.

Jackson David. Notes on the History of Serib, and Nearby Places in the Upper Kali Gandaki Valley // *Kailash.* Vol. VI, № 3. 1978.

Kirkpatrick W. An Account of the Kingdom of Nepal. London, 1811.

Mustang. Brief history // *The Royal Ark.* – <http://www.royalark.net/Nepal/mustang.htm>

Mustang. Genealogy // *The Royal Ark.* – <http://www.royalark.net/Nepal/mustang2.htm>

Pant M. R. & Pierce P. H. Administrative Documents of the Shah Dynasty Concerning Mustang and its Periphery (1789–1844 A.D.). Bonn, 1989.

Ramble C. A. A ritual of political unity in an old Nepalese kingdom // *Ancient Nepal.* 1992–1993. № 130–133.

Ramble C. A. E., Vinding M. Bem-chag village record and the early history of Mustang District // *Kailash.* 1987. Vol. 13, № 1–2.

Regmi M. C. Landownership in Nepal. Berkeley and Los Angeles, California, 1976.

Schuh D. The political organisation of Southern Mustang during the 17th and 18th Centuries // **Ancient Nepal.** 1990. № 119.

Shrestha T. R. Nepalese Administration. A Historical Perspective. Kathmandu, 2005.

Stiller L. F. The rise of the House of Gorkha: a study in the unification of Nepal 1768–1816. New Delhi, 1973.

Whelpton John. History of Nepal. Cambridge, 2005.